

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НОВГОРОДА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Археологические исследования Новгорода позволили по-новому представить себе проблему становления и развития его социально-административной структуры. Несомненно, важнейшее место в ней занимал детинец, только к которому первоначально и относился термин «Новгород», перешедший затем на весь город. Иными словами, возникновение детинца тождественно возникновению того «нового города», который дал свое имя самому исследуемому феномену. Мы до сих пор не располагаем сведениями о дате строительства древнейшего детинца, однако очевидные возможности ее установления наметились.

Детинец в его современном виде в целом существует в тех формах, которые возникли в 1484—1499 гг. в результате строительства Ивана III.¹ До последнего времени предполагалось, что он был сооружен на протяжении всего его периметра на старой основе крепости XIV в. Однако новейшие наблюдения А. Н. Кирпичникова позволили выяснить, что в действительности береговая стена нового кремля была проведена по новой линии, отстоящей несколько дальше от Волхова на участке к югу от Владимирской башни, нежели стена XIV в.² В XIV в. план детинца имел более овальную форму, чем теперь. По-видимому, нет оснований сомневаться в том, что каменный кремль XIV в. в плане был тождествен более раннему деревянному детинцу 1116 г.

Между тем до 1116 г. детинец был меньше, о чем прямо говорится в Новгородской I летописи: «В то же лето Мъстислав заложи Новъгород болни перваго».³ Давний спор относительно местоположения кремля XI в. — находился ли он в северной или в южной половине нынешнего — окончательно решен раскопками М. Х. Алешковского 1956—1960 гг. и А. Н. Кирпичникова 1979 г. В ходе последних под первоначальным валом южной части кремля обнаружен культурный слой толщиной до 1,9 м с находками X—XI вв. Это значит, что вал здесь был насыпан в 1116 г., а до того на его месте существовала жилая застройка — северные усадьбы Людина конца. Позднейшее освоение детинцем его южной половины прослеживается и в административном устройстве кремля. Даже в XV в. церкви его южной

¹ Янин В. Л. О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в. — СА, 1978, № 1, с. 259—260.

² Кирпичников А. Н. Исследования Новгородского кремля. — Археол. открытия 1979 г., М., 1980, с. 10.

³ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 20, 204.

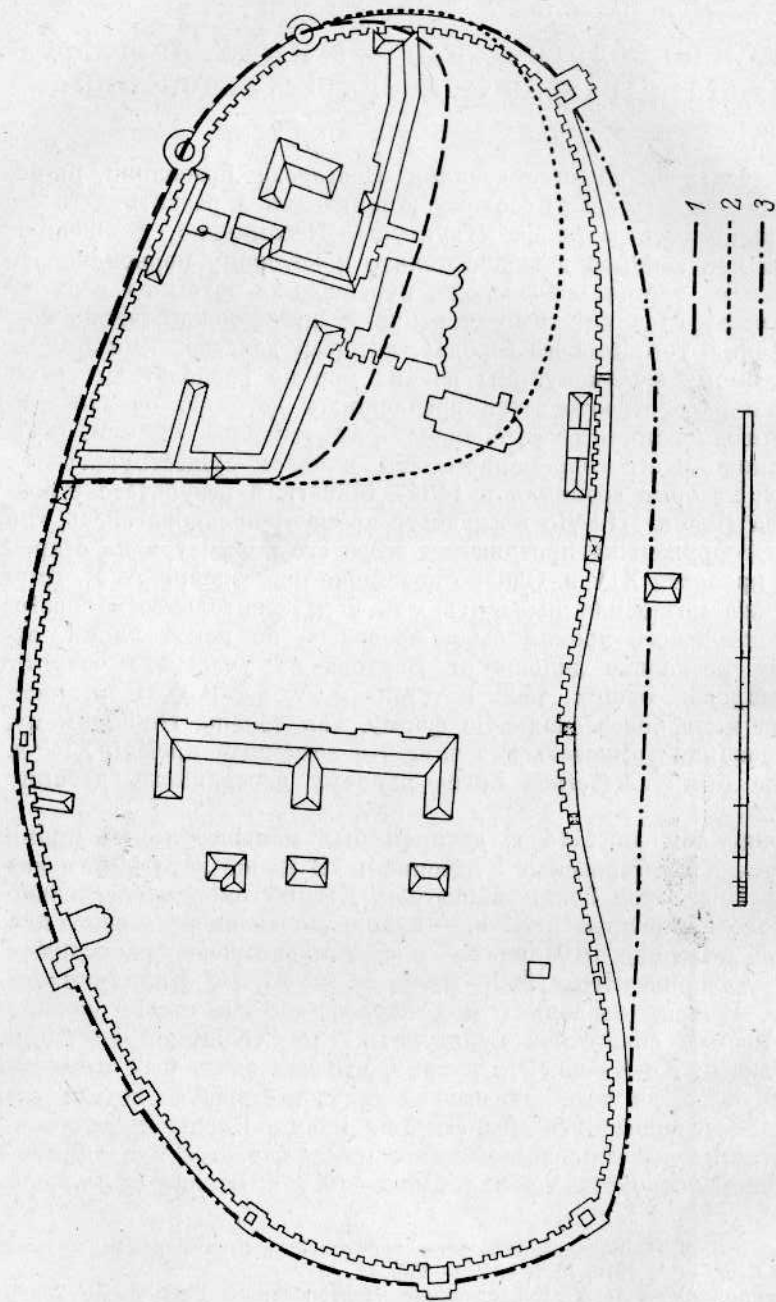

Схема развития Новгородского детинца.

1 — до 1048 г.; 2 — 1048—1116 гг.; 3 — после 1116 г.

части входили в подчинение соборам Людина и Загородского концов.⁴

Определяя границы детинца XI в., мы должны исходить из того, что эта крепость, помимо валов и деревянных сооружений на них, должна была располагать и водной преградой. Локализация раннего детинца в северной половине современного кремля учитывает, что в древности существовали значительный овраг и ручей в нем, пересекавшие современную территорию детинца с запада на восток по линии Златоустовская башня—Присутственные места—водяные арки к югу от Пречистенских ворот. Устье этого ручья до сих пор хорошо выражено в рельефе, а до сооружения Присутственных мест в 1783 г. он на значительном протяжении обозначен на планах Новгорода первой половины—середины XVIII в. Искусственный ров до 1116 г. существовал лишь на участке, соединявшем этот ручей с Волховом, т. е. от Златоустовской до Владимирской башни.

В конструкциях вала 1116 г. южной части детинца выявлены дубовые бревна, никак не скрепленные между собой и прослаивающие насыпь вала 9—11 рядами, но имеющие врубки, т. е. использованные вторично. М. Х. Алешковский высказал плодотворную мысль о возможном использовании в этом случае разобраных городен той части древнего вала, которая была скрыта при сооружении детинца 1116 г., а до того проходила по берегу ручья, составляя южную границу кремля XI в.⁵ Если это так, то дендрохронологический анализ вторично использованных бревен способен открыть дату предшествующего крепостного сооружения.

Однако это сооружение вряд ли было первоначальным. Новгородская I летопись младшего извода под 1044 г. сообщает: «Ходи Ярослав на Литву; а на весну же Володимир заложи Новъгород и сдela его».⁶ Хотя в Повести временных лет поход Ярослава на Литву отнесен к 1040 г.,⁷ думается, что дата Новгородской I летописи более логична, поскольку под следующим, 1045 г. в той же летописи сообщается о закладке Владимиром Ярославичем Софийского собора. Оба действия — реконструкция крепости и возведение в ней каменного собора — представляются взаимообусловленными. Во время незавершенных раскопок 1941 г. в северной части кремля был обнаружен мощный глиняный вал на участке восточнее Никитского корпуса,⁸ который

⁴ Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1400 гг. (По новым материалам). — *Архитектурное наследство*, 1963, № 14; *Кирпичников А. П.* Исследования Новгородского кремля, с. 10; *Янин В. Л.* 1) *Новгородские посадники*. М., 1962, с. 308—310; 2) «Семисоборная роспись» Новгорода. — В кн.: *Средневековая Русь*. М., 1976, с. 108—117.

⁵ Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1400 гг.

⁶ Новгородская Первая летопись..., с. 181.

⁷ *Повесть временных лет*, ч. I. Текст и перевод. М.—Л., 1950, с. 103.

⁸ *Порфиридов И. Г.* Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.—Л., 1947, с. 24.

может относиться только ко времени до 1044 г. Его местоположение свидетельствует, что расширение детинца в 1044 г. было прямо связано с замыслом создания громадного Софийского собора, потребовавшего значительно большей площади, нежели первоначальная дубовая София конца X в.

Относительно положения первоначального детинца может быть высказано два противоположных мнения. Г. М. Штендер, наблюдавший в ходе шурфовки у южной оконечности Никитского корпуса засыпанное русло еще одного протока упомянутого выше кремлевского ручья, предполагает, что древнейший кремль занимал срединную часть современного детинца, примерно соответствующую сектору между Владимирской и Пречистенской башнями с естественными границами, образованными протоками ручья.⁹ Полагаем, однако, что древнейший кремль с большей вероятностью может быть локализован в северо-западной части нынешнего детинца, т. е. как раз исключая предположенный Штендером сектор. В пользу такого предположения говорит общая топографическая ситуация градостроительных древностей Софийской стороны: и Великая улица Неревского конца, и Пробойная улица Людина конца — главные проезжие дороги Софийской стороны — нацелены в северо-западный сектор современного кремля. Первая входила в него через Федоровскую башню, которая была проездной еще в первой половине XIII в., вторая — через Спасские ворота направлялась к церкви Бориса и Глеба, но затем поворачивала на юго-восточный угол современных Митрополичьих покоев, где в древности, надо полагать, находились южные ворота первоначального детинца и кремля 1044 г.¹⁰

Из изложенного очевидно ошибка А. А. Строкова, В. А. Богусевича и Б. К. Мантейфеля, идентифицировавших открытую ими улицу между Спасскими воротами и Борисоглебской церковью с древней Пискуплей.¹¹ Пискупля, проходившая, как это явствует из ее названия, около Епископского («Пискупля») двора, в действительности локализуется между Федоровской и южной башнями древнейшего детинца. В ее конце (по-видимому, ближайшем к ручью) находилась и деревянная София X в., а не на месте церкви Бориса и Глеба, куда ее ошибочно поместил летописец XV в.¹²

Таким образом, в истории новгородского детинца возможно выделить четыре этапа развития. Первый — древнейший, менее всего документированный. Второй — 1044—1116 гг., когда дети-

нец занимал только северную половину нынешнего кремля. Третий — 1116—1484 гг., когда он достиг предельных размеров. Четвертый — начиная с 1484 г., когда он обрел современную конфигурацию. Оговоримся, что эти этапы соответствуют только изменениям плана крепости.

Коль скоро именно детинец получил название Нового города, а оно фиксируется уже в середине X в. сочинением Константина Порфирогенета «Об управлении государством», неизбежно возникает вопрос о «старом» городе или о «старых» городах, относительно которых древнейшая крепость на территории кремля и стала «новой». В прямую связь с этой проблемой встает вопрос о времени сооружения самого раннего моста через Волхов.

Обобщение данных геологического бурения и материалов археологических раскопок показывает, что в эпоху существования древнейшего кремля — в X в. — существовали три поселка, ставшие в дальнейшем основой административной, кончанской системы средневекового Новгорода.¹³ Два из них — Неревский и Людин — располагались на Софийской, а один — Славенский — на Торговой стороне. Если для двух поселков Софийской стороны детинец мог служить убежищем в минуту непосредственной военной опасности, то его практическая польза для жителей Славна оказывается весьма проблематичной в эпоху, когда обе стороны Волхова не были еще соединены мостом. В этой связи представляется более чем вероятным существование древних фортификаций на Торговой стороне. Напомним, что Славно иначе именуется в летописи Холмом, что оказывается созвучным древнескандинавскому наименованию Новгорода Холмгардом. Не включено ли в этом слове само древнейшее название поселка на Славне — Холмгород? И не был ли этот Холмгород (т. е. крепость Холм) тем «старым» городом, которому как новообразование противостоит Новый город?

Отсутствие моста в раннюю эпоху демонстрируется особенностями планировки северной части детинца. Единственная в ней улица имеет направление с юга на север. Лишь после расширения детинца в 1116 г. возникает проезжая улица на месте срытого вала, выходящая к берегу Волхова (из Воскресенских в Пречистенские ворота). Именно тогда, как можно достаточно уверенно догадаться, и строится впервые большой волховский мост, прочно связавший обе стороны города.

Были ли укреплены до возникновения детинца поселки Неревского и Людина концов, неизвестно. Однако к 1169 г. относится летописное сообщение о том, что в связи с походом на Новгород суздальской рати новгородцы «устоипа город около города».¹⁴ Остатки этого окольного города были археологически

⁹ Казгер М. К. Новгород. 4-е изд. Л., 1980, с. 7 (вступит. статья Г. М. Штендера).

¹⁰ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 100—101.

¹¹ Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 году. — Новг. истор. сборник, Новгород, 1939, в. 5, с. 6—8.

¹² Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 101—102.

¹³ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 18, рис. 6; с. 43.

¹⁴ Новгородская Первая летопись..., с. 33, 224.

прослежены на Неревском конце, где линия фортификации, обращенная фасадом в сторону Загородья, зафиксирована на перекрестке улиц Ленинградской и Декабристов и на перекрестке улиц Горького и Комсомольской, а также в Людином конце на берегу Волхова у древней Черницыной улицы.¹⁵ Еще один участок фортификаций 1169 г. в Людином конце назван в «Сказании о битве новгородцев с суздальцами» XIV в., в котором рассказывается о том, что икону во время битвы 1170 г. выносили на острог, «иде же ныне монастырь свята богородица на Десятине»¹⁶ (Десятинный монастырь был основан в 1327 г.). На перекрестке улиц Горького и Комсомольской прослежены два яруса разновременных укреплений, более поздний из которых связывается с летописным сообщением 1224 г. о том, что новгородцы «доспеша» острог в связи с приходом войск Юрия Всеволодовича в Торжок.¹⁷ Это говорит о стабильности границ окольного города на Софийской стороне на протяжении сравнительно долгого времени.

Таким образом, к концу первой четверти XIII в. система фортификаций на Софийской стороне, вероятнее всего, выглядела следующим образом. Помимо детинца, окаймленного полукольцом рва, здесь существовали два окольных городка — Неревский, простиравшийся примерно до современной улицы Декабристов, и Людин, доходивший до того места, где позднее возник Десятинный монастырь. Не все жилые кварталы того времени были охвачены окольными укреплениями. Если к северу от ул. Декабристов нет культурного слоя ранее XIII—XIV вв., то он имеется на отдельных участках Загородья, т. е. района, промежуточного между двумя окольными городками. Отсюда, полагаем, и происходит логика наименования этого района.

Следующий этап формирования фортификаций, а вместе с ними и городской территории на Софийской стороне относится к 1270 г., когда во время конфликта с Ярославом Ярославичем новгородцы «поставиша острог около города по обе стороны»,¹⁸ и к 1316 г., когда, ожидая нападения Михаила Ярославича, новгородцы «учиниша острог около города по обе стороне».¹⁹ По-видимому, строительство 1270 г. ликвидировало на Софийской стороне систему двух окольных городков — Людина и Неревского — и включило Загородье в систему единого окольного города: именно с конца XIII в. на месте прежнего Загородья формируется «Загородский конец».²⁰

¹⁵ См. статью А. С. Хорошева в кн.: Археология Новгорода 50 лет. М., 1982.

¹⁶ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973, с. 113.

¹⁷ Новгородская Первая летопись..., с. 64, 268.

¹⁸ Там же, с. 89, 320.

¹⁹ Там же, с. 95, 337.

²⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 169—171.

Пока нет данных о местоположении древнейших линий окольных укреплений на Торговой стороне, в том числе и фортификаций 1270- и 1316 гг. Не думаем, однако, что линия каменной стены 1335 г., построенной при посаднике Федоре Даниловиче и исследованной археологически, далеко отстояла от них. По этой линии, продолжая ее через Федоровский ручей вплоть до Никитиной улицы, на планах XVIII в. показана «Позагородная» улица, идущая параллельно современному валу окольного города, но отстоящая от него примерно на 100—120 м в сторону Волхова.²¹ Полагаем, что в этом названии сохранился реликт местоположения древней фортификации конца XIII—первой половины XIV в. Для более раннего времени естественным рубежом на севере Торговой стороны представляется Федоровский ручей. Остается неясным, был ли он соединен Копанью с Тарасовцем в достаточно раннее время или же Копань прорыли при строительстве окольного города последней трети XIV в. Очевидно только, что и Тарасовец, и, возможно, уже существовавшая Копань даже в 1335 г. не служили «рвами у валов», а использовались как водные преграды на доступных обстрелу подступах к острогу.

Окольный город на его современных рубежах, как это окончательно выяснено раскопками, сооружен в 1372—1392 гг.²²

Развитие системы новгородских фортификаций своим исходным пунктом имеет существование трех древних поселков, разделенных между собой Волховом и кремлевским ручьем. Раскопки, проведенные в пределах этих древнейших ядер города, во всех случаях привели к обнаружению слоев X в. На Неревском конце в районе пересечения древних Козмодемьянской и Холопьевой улиц с Великой древнейшие уличные настилы относятся к 953 г., но ниже их залегает слой более ранних, однако не датированных с такой же степенью точности напластований первой половины X в.²³ В Людином конце у перекрестка Пробойной и Черницыной улиц древнейшая мостовая датирована 20- или 30-ми гг. X в., ниже залегает небольшая древняя прослойка начала X в. В Славенском конце на Михайловой улице древнейший уличный настил датирован 974 г.

Являются ли указанные даты свидетельством тому, что застройка Новгорода (или предшествовавших ему поселков) складывается не раньше начала X в.? Существует ли перспектива отыскания более ранних слоев IX в.? По-видимому, эта перспектива минимальна на Софийской стороне. В обоих случаях здесь раскопкам подверглись участки древних ядер, расположенные на

²¹ См., например: Воробьев А. В. План Новгорода 1762 г. — Новг. истор. сборник, Новгород, 1959, в. 9, с. 79, позиция 29 и вклейка между с. 80 и 81.

²² Алешковский М. Х., Красноречев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории). — СА, 1970, № 4.

²³ Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода. — КСИА, 1976, в. 146.

заметном удалении от детинца, и теоретически следовало бы искать более глубокие древности, максимально приближаясь к кремлю. Однако эти желанные участки были в значительной степени испорчены в 80-х гг. XVI в. сооружением у кремля полукольца Земляного города, валы которого насыпались с неизбежным использованием культурного слоя участков древней застройки, отведенных под «городовое дело». Разумеется, Земляной город не мог уничтожить всех, особенно древнейших, напластований вокруг детинца, однако и раскопки, проведенные в 1938 г. на территории южной части кремля у Спасских ворот, не обнаружили на продолжении Пробойной улицы настилов древнее X в.²⁴ Поэтому сама возможность первоначального возникновения жилой застройки на Софийской стороне только на рубеже IX—X вв. не исключена, как не исключена и ее синхронность древнейшему детинцу.

Более перспективными представляются поиски слоев IX в. на Торговой стороне, где никогда не проводилось в древности столь масштабных работ, деформирующих культурный слой, как на Софийской стороне, и где, как предположено, мог располагаться тот «старый» Холмгород, по отношению к которому крепость Софийской стороны стала Новым городом. До сих пор работы на Славенском конце не приблизились к району залегания наиболее мощных культурных напластований, зафиксированных к востоку от Ярославова дворища. А именно здесь проходила главная магистраль Торговой стороны — Славная улица, связывавшая Торг и Ярославово дворище с внешними торговыми дорогами Новгорода. Скорее всего, раскопками этого участка может быть решен вопрос о времени возникновения первых городских усадеб Славенского конца.

Заметим, однако, что в последнее время активизировались попытки трактовать Городище под Новгородом как тот «старый» город, который предшествовал Новгороду.²⁵ Не видим пока археологических оснований для подобного утверждения. Как обнаружили раскопки Е. Н. Носова, нижний слой Городища, датируемый концом IX—X в., на низменных участках отделен от более позднего — XII—XIII вв. — прослойкой песка толщиной от 0,30 до 1,45 м, свидетельствующей о том, что поселок на Городище был покинут в X в. из-за регрессии Ильменя (отсюда и название Городище, т. е. не город, а его остатки). Возобновление жизни здесь связано уже с основанием резиденции новгородских князей.²⁶ Однако на протяжении всего первого периода этот жилой поселок синхронен древнейшим напластованиям Неревского и Людина концов Новгорода, который, таким образом, развивается

²⁴ Строчков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель В. К. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 году, с. 6—8.

²⁵ Каргер М. К. Новгород, с. 6—7.

²⁶ Носов Е. Н. Исследования Новгородского (Рюрикова) городища. — Археол. открытия 1977 г., М., 1978, с. 25—26.

в первой половине X в. вне какой-либо зависимости от того, как складываются судьбы жителей Городища. Надо полагать, что прекращение жизни на Городище привело примерно в середине X в. к переселению его жителей в Новгород, но там они как будто не образовали особого административного района, коль скоро административная система Новгорода и в XI—первой половине XII в. базируется на триединстве Славенского, Неревского и Людина концов.

Существует, однако, перспективная возможность в будущем решить и эту проблему, но только путем параллельных раскопок на Городище и на Торговой стороне Новгорода. Если изучение Городища приведет к обнаружению достаточно мощных слоев IX в., а раскопки на Славне, напротив, установят, что древнейшие слои здесь относятся не к IX, а к середине X в., придется тогда признать, что начальная застройка Славенского конца — результат переселения на новое место жителей покинутого Городища и что название «Холмгород» применялось поначалу к поселку на Городище, а затем сохранено и на Славне.

Таким образом, вопрос о том, возник ли Новгород в IX или в X в., остается открытым, однако направление конкретного исследования этой проблемы определено и входит в программу экспедиционных работ как ее важная часть.

В 1136 г. новгородец Кирик рост знания сравнил с ростом города: «Как понемногу создается город и делается большим, так и знание понемногу растет».²⁷ Кирик наблюдал рост Новгорода в ту эпоху, когда город еще был сравнительно небольшим. Провести границы Новгорода на каждое столетие его существования — в возможностях археологии, но пока мы способны лишь в общих чертах говорить о главных направлениях развития городской территории. Одним из наиболее эффективных способов расширить круг сведений по этой проблеме может быть сбор дендрохронологических образцов самых нижних ярусов деревянных сооружений в разных районах Новгорода. Впрочем, и существующая схема мощности культурного слоя дает примерное представление об очередности освоения застройкой территории города, сформировавшегося в его максимальных границах к концу XIV в.

Вопрос о первоначальном детинце дает необходимую основу и для изучения политической структуры Новгорода в ранний период его существования. Историю Новгородского государства традиционно разделяют рубежом 1136 г. на «княжеский» и «республиканский» периоды. Согласно этой периодизации, в X—XI вв. Новгород был княжеским городом, мало чем отличающимся от других центров русских княжений. Между тем существуют бросающиеся в глаза особенности, препятствующие такой трактовке.

²⁷ Симонов Р. А. Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980, с. 98—99.

В эпоху Ярослава Мудрого княжеская резиденция находилась вне городской цитадели — в неукрепленном месте, на Ярославовом дворище. Детинец занят владычным двором и софийским соборным участком; в нем же существует вечевая площадь. Зная, что первые храмы, учрежденные в момент христианизации, тяготели к бывшим капищам, очищая и освящая светом христианства эти центры древнего «поганства», мы можем уверенно предположить, что и первоначальный детинец предназначался не для защиты княжеской власти, а гарантировал безопасность их обществственных сил — вечевых органов и языческого жречества, характеризуя тем самым княжескую администрацию как вторичный, инородный по отношению к вечевым органам государственный институт.

Вся история возникновения Новгородской республики представляется результатом длительного столкновения княжеской власти с боярством, а вечевые органы противостоят в этой борьбе органам княжеской администрации. Поскольку это так, то в самом их столкновении, завершившемся победой боярства, мы усматриваем торжество той традиции государственности, которая берет начало в древних органах эпохи разложения первобытно-общинного строя. К родо-племенной старейшине генетически восходят и вече, и посадник, и господа. В отличие от норманистских установок, возводящих установление правопорядка на Руси к призванию варяжской династии, мы видим в истории Новгорода победу традиционной, растущей из местных корней государственности над княжеской, ее большую жизнестойкость и обладание более сильными возможностями.

В связи с этим находится и характеристика первоначальных ядер Новгорода как социальных организмов, поддерживающих эти традиции древней государственности. Важнейшей отличительной особенностью Новгорода является концентрация в нем боярства. На протяжении всей истории новгородской самостоятельности вплоть до «выводов», учиненных Иваном III в 80-х гг. XV в., новгородские бояре, распространяя свою власть на территорию всей Новгородской земли, живут только в Новгороде. Пребывая постоянно в своих городских усадьбах, они оттуда эксплуатируют свои вотчины в XII—XV вв., не строят замков и не основывают других городов, кроме крепостей с небольшими гарнизонами, необходимых для организации обороны своего государства на дальних рубежах.

В «центростремительности» новгородского боярства существенную роль играло участие бояр в высших органах государственного управления, необходимость повседневного участия в политической борьбе, главным призом в которой была должность посадника — главы боярской республики.

Открытие в ходе раскопок боярских усадеб XIV—XV вв. позволило установить, что это были громадные дворы площадью от 1200 до 1500 кв. м, а это само по себе уже содержит социальную характеристику их владельцев. Однако не менее важно и то, что

такие усадьбы возникли не в XIV в., в эпоху торжества вотчинной системы, а образовались в момент первоначального формирования дончанской застройки, т. е. во всех изученных случаях в X в. На территории древнейших концов раскопки из года в год открывают одну и ту же картину безраздельного господства огромных усадеб. Частоколы, впервые поставленные на их границах в X в., возобновляются на тех же местах и в XI, и в XII, и в последующих веках вплоть до инкорпорации Новгорода в состав Московского государства.

Наблюдения, сделанные на материалах Неревского и Троицкого раскопов, установили, что такая усадьба составляла только ячейку более крупной структуры — патронимии боярского рода, образованной совокупностью многих усадеб, владельцы которых находились в родственной связи между собой, восходя к общему предку. Иными словами, боярская семья владела на территории концов значительными земельными участками, сохраняя право собственности на них на протяжении столетий. На Неревском конце был однажды зафиксирован момент возникновения одной из таких патронимий — строительная жертва середины X в. девяти дворохозяев, погребенная ими после братчинного пира перед началом строительства усадеб.²⁸

Только вне древнейших ядер Новгорода обнаруживались усадьбы менее значительной площади, основанные представителями других сословий. В одном случае — на Ильинском раскопе — удалось проследить, как в начале XIV в. такие менее крупные усадьбы поглощаются более крупным дворовым владением.²⁹

Собранные в Новгороде к настоящему времени материалы не дают возможности проследить непосредственную преемственность усадеб от отца к сыну на всем протяжении изучаемой эпохи. На Неревском раскопе, наиболее насыщенном берестяными грамотами, эта преемственность безусловна для периода от рубежа XIII—XIV вв. до конца новгородской независимости. Однако социальная преемственность дворовладельцев начала XIV в. от дворовладельцев X в. несомненна. И там, и здесь мы имеем дело с боярами, следовательно, с проблемой боярства.

Приходя к выводу, что основу древнейших поселков Новгорода составляли боярские усадьбы и, таким образом, сами эти поселки были боярскими, мы должны попытаться выяснить теперь, что же такое новгородское боярство и чем оно отличается от других категорий феодалов. В литературе с 30-х гг. нашего столетия прочно утвердилось представление о том, что экономической сущностью новгородских бояр было обладание значительными земельными владениями на территории Новгородского

²⁸ Седов В. В. Языческая братчина в древнем Новгороде. — КСИМК, 1956, в. 65.

²⁹ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии, с. 40—41.

государства. Эта характеристика бояр как крупных землевладельцев совершенно справедлива, но с двумя существенными оговорками.

Во-первых, начало становления вотчинной системы в Новгородской земле относится ко времени не ранее рубежа XI—XII вв. Между тем уже к концу XI в. относятся значительные успехи боярства в антикняжеской борьбе, позволившие боярам создать собственный орган государственного управления — посадничество. Значит, еще не будучи вотчинниками, бояре обладали незаурядными материальными средствами в борьбе с князем.

Во-вторых, боярство располагало исключительным правом занятия должности посадника, но это право вплоть до конца новгородской независимости не принадлежало, например, жителям людям, которые порой владели достаточно значительными земельными богатствами.

Следовательно, бояре в Новгороде — не только вотчинники. Им принадлежит еще какое-то качество, отличающее их от вотчинников других сословий. Кроме того, они не были вотчинниками в X—XI вв., что отнюдь не препятствовало их сословной консолидации.

Единственным лишенным противоречий способом решить проблему боярства представляется нам признание аристократической сущности бояр, принадлежности их к потомству родо-племенной старейшины, объясняющее и социальную полярность Новгорода и его земли, при которой все боярство сконцентрировано в Новгороде, образуя корпорацию, противостоящую всем прочим сословиям и пользующуюся особыми политическими преимуществами.

Что касается материального фундамента боярства в ранний, до вотчинный период, то имеется серия специфических находок X—XI вв., свидетельствующих о существовании в указанное время государственной, корпоративной феодальной собственности на всю территорию Новгородской земли и об участии местных бояр в эту эпоху в распределении государственной ренты. По-видимому, контроль за податными и судебными доходами и их сбор осуществлялись в Новгороде не силами княжеских дружинников, а силами самих местных «нарочитых людей», выступавших в роли вирников и получавших в виде своеобразных наследственных кормлений погосты в разных районах Новгородского государства. Эта деятельность придавала боярам значительную мобильность и позволяла им использовать участие в фискальной системе для энергичного обогащения главным образом с помощью ростовщических операций, следы которых обильны в берестяных грамотах XI—XIII вв.³⁰ С начала XII в. формируется и более прочный экономический фундамент боярства в виде обширных вотчин. В отличие от бояр князь и его администрация, восприни-

³⁰ См. статью В. Л. Янина «Археологический комментарий к Русской правде» в кн.: Археологии Новгорода 50 лет.

мавшие новгородский стол лишь как ступень к обладанию большой властью в Киеве, не смогли достаточно внедриться в систему землевладения, чем и была predetermined победа боярства.

В изложенной связи конец как административная структура Новгорода является системой связи боярских патронимий в пределах поселка. Население конца состоит из бояр и непосредственно зависимых от них людей, живущих в боярских усадьбах — вотчинников-ремесленников, челяди, клириков; для последних выделялись особые участки, как это было прослежено на Неревском и Троицком раскопах. С возникновением боярского посадничества в конце XI в. деятельность этой части населения города регулировалась исключительно вечевыми порядками и была изъята из юрисдикции князя. Надо полагать, что эксплуатация вотчинного ремесла сама по себе сделалась одним из важнейших источников боярских доходов, коль скоро товарность этого ремесла становится очевидной, особенно после его переориентации на рынок.

В XII и XIII вв. число концов увеличивается в результате расширения площади города и освоения под застройку новых значительных территорий. К 1169 г. формируется Плотницкий конец. Археологические наблюдения показывают, что его расширение за Федоровский ручей произошло главным образом в XIV в., когда здесь возникли патронимии бояр, перешедших сюда из Людина и Загородского концов. Более ранняя территория Плотницкого конца ограничивалась Федоровским ручьем, а затем линией Никитиной улицы на севере; на юге этот конец доходил до церкви Ивана на Опоках, т. е. до Торга. В последней трети XIII в. в качестве особой административной единицы возникает Загородский конец, основой которого стала боярская Прусекая улица, до того, по-видимому, входившая в состав Людина конца.

Кончанскому населению противостоит население сотен, как системе концов противостоит система сотен. На протяжении всего XII в. сотенная система подчинена княжеским сотским и княжескому тысяцкому, который в последний раз упоминается в летописи под 1219 г.³¹ Уже эта юридическая противоположность посадника и тысяцкого характеризует население сотен как независимое от бояр и подчиняющееся княжескому аппарату. Надо полагать, что в его состав входило все остальное население Новгорода, в том числе свободные ремесленники и торговцы, что зафиксировано в известной формуле новгородских докончаний с князьями: «а купец поидет в сто, а смерд потянет в свои погост, как пошло в Новгороде». Именно в этой среде на протяжении XII—XV вв. шла наиболее заметная социальная поляризация, в ходе которой меньшая часть горожан поднималась до уровня феодалов, порой весьма значительных, а большая опускалась до положения городских низов.

³¹ Новгородская Первая летопись..., с. 59, 260.

В этой связи заслуживает специального рассмотрения термин «черные люди», «чернь». Мы привыкли пользоваться им для обозначения плебса. Между тем этот термин становится в логическую и этимологическую связь с понятиями «чернокупец», «черная соха», «черный бор», «черные земли», во всех случаях имеющих отношение к сфере юрисдикции князя (или государства в целом), к извлечению им доходов с тех категорий населения, которые определены термином «черные». Думаем поэтому, что «черные люди» — более емкое понятие, фиксирующее наличие княжеской юрисдикции и соответствующее другому термину — «меньшие». Из категории «черных» или «меньших» постепенно выделяются житы и кушцы, образовав особые сословия, и термин «черные люди» затем применяется для обозначения основной массы податного населения.

Сотни не образовывали особых районов в Новгороде. Усадьбы сотенного населения располагались чересполосно с боярскими патронимиями, на что, в частности, указывает анализ материалов «старого писца» писцовых книг XV в.: мелкие землевладельцы — своеземцы — живут на тех же улицах, где находятся большие усадьбы бояр. Поэтому, говоря о социальной структуре Новгорода, мы избегаем терминов «посад», «посадское население». Посада в виде особой градостроительной структуры в Новгороде X—XV вв. не существовало, а в социальном плане посадскому населению здесь соответствует население сотен.

Два существенных процесса характеризуют историю новгородских сотен. С конца XII в. начинается активное высвобождение сотен из-под юрисдикции князя. Под 1191 г. в летописи упоминается первый выборный тысяцкий Милонег, а под 1215 г. — тысяцкий Якун Намнежич.³² Однако по крайней мере до 1219 г. существовала и параллельная система княжеских тысяцких. Вместе с тем уже в XIV в. представительство от «черных людей» узурпируется боярством. Как показывают берестяные грамоты Неревского раскопа, отдельные члены боярской семьи Мишиничей не чурались во второй половине XIV в. и должности сотского.³³ Тогда же должность тысяцкого превращается для бояр в высшую ступень государственной карьеры перед занятием должности посадника. Надо полагать, что погоня бояр за должностями дополнялась и активным подчинением сотенного населения кончанской администрации, превращавшим концы в административное единство, в котором сотни были по существу поглощены концами.

К сожалению, археология пока очень мало дала для более подробной характеристики сотенного населения, и обстоятельное исследование городских усадеб небоярской принадлежности еще предстоит.

Противоположность концов и сотен составляла один из важнейших рубежей классовой борьбы в Новгороде. И если для черного населения эта борьба была в целом малоуспешной, то одной из главных причин ее скованности была та структура города, которая частично описана выше. Объединение бояр и зависимых от них людей в рамках патронимии ставило существенные препятствия для профессиональной консолидации ремесленников, разделяя свободных и вотчинных мастеров. Объединение боярских патронимий с сотенными усадьбами в рамках уличных и кончанских вечевых собраний давало боярам возможность диктовать свою волю улице и концу в целом. Немалая роль в подчинении сотен концам принадлежала и церкви: боярские патронимии окружали себя «кустами» церковей и содержали послушных им клириков, чтобы использовать их воздействие на прихожан из свободных усадеб. Так, на исследованной раскопками патронимии Онцифоровичей в XIV—XV вв. было не меньше четырех церковей, приходы которых, естественно, далеко выходили за пределы самой патронимии.

Весь этот арсенал средств умело использовался боярами в организации внутрисполитической борьбы за власть, которая в Новгороде постоянно проявляется в форме соперничества концов, иными словами — боярских кончанских группировок. Соперничающие группировки всегда получали возможность направить социальное недовольство черных людей и холопов в русло внутрисполитической борьбы, поскольку это недовольство было обращено в первую очередь против наличных властей, за свержение которых в свою пользу и выступали противоположные им группы бояр. Лишь с возникновением боярской олигархии в ее откровенных формах в XV в. появляются первые признаки осознания массами своей антибоярской сущности, но главной социальной акцией черных людей и в этот период оказалось лишь пассивное сопротивление боярам в их антимосковской борьбе, завершившейся падением республики бояр.

Нуждается в особом рассмотрении вопрос об общегородском вече Новгорода, коль скоро поиски вечевой площади составили заметный период в работе Новгородской археологической экспедиции. Главная вечевая площадь республиканского периода находилась в Новгороде на Ярославовом дворце, что многократно засвидетельствовано летописными и актовыми сообщениями. Ее археологические поиски начались в 1937 г. и продолжались до 1948 г. Всего в районе Ярославова дворца было заложено 14 раскопов разной величины, затронувших значительное пространство вокруг Никольского собора (вече собиралось «у святого Николы»). Руководящим принципом поисков было сложившееся еще со времен Н. М. Карамзина представление о всеобщности вече, якобы включавшего в свой состав все многотысячное (по крайней мере, все свободное) население Новгорода. Однако никаких следов настилов площади или вообще свободных, незастроенных участков, которые могли использоваться как пло-

³² Новгородская Первая летопись... с. 39, 53, 230, 252, 472.

³³ Арциговский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 105—107, № 279.

щадь, в этих раскопках обнаружено не было, что и при отрицательном результате поисков имеет важный практический и теоретический смысл.

Очевидно, размеры вечевой площади отнюдь не были столь значительными, как это всегда представлялось. К настоящему времени единственным перспективным, еще не исследованным участком осталась территория, непосредственно примыкающая к Никольскому собору с запада и занятая западным притвором собора и зданием бывшего городского училища (последнее расположено между соборной колокольной и воротной башней Гостиного двора). Размер этой территории 30×60 м, т. е. около 1800 кв. м, что приближается к величине средней боярской усадьбы. Принимая во внимание наличие на площади вечевой степени трибуны и скамей (на вече сидели, как это явствует из летописного сообщения 1359 г.),³⁴ ее емкость возможно определить в 400—500 человек.

Это обстоятельство резко меняет представление о характере общегородского вече, которое, очевидно, не было общим собранием всех свободных горожан, а было сословным, представительным органом. Ранее нами было высказано мнение о том, что упоминаемые в рижском источнике 1331 г. «300 золотых поясов» являются реликтовым обозначением новгородского вече, термин, восходящим к тому периоду, когда городское вече формировалось из представителей трех древнейших концов на паритетных началах; с образованием пяти концов число вечников могло возрасти до 500.³⁵ Сейчас это мнение оспорено К. Расмуссеном, склонным видеть в 300 золотых поясах «3 сотни с золотыми поясами», иначе — трех старост торгового суда при церкви Ивана на Опоках.³⁶ Вне зависимости от правильного решения вопроса о «золотых поясах» (любопытное мнение К. Расмуссена представляется все же не лишенным противоречий) существо дела не меняется: городское вече в силу его малой емкости могло быть только представительным и, следовательно, включало в свой состав узкосословный контингент участников — бояр и наиболее зажиточную верхушку житых и купечества. Вечевая формула — «от бояр, и от житых людей, и от купцов, и от черных людей» — не может восприниматься в ее конкретности хотя бы потому, что представительство от «черных людей» уже в XIV в. было узурпировано боярами. И упоминая «худых мужиков вечников»,³⁷ летописец мог иметь в виду отнюдь не социальную характеристику участников вече, а их нравственную оценку.

В сословной представительности состоит принципиальное отличие общегородского вече от уличных и кончанских вечевых

собраний, состав участников которых был более пестрым в социальном отношении. Если низшие звенья вече генетически связаны с народными собраниями догосударственной поры, то общегородское вече Новгорода представляется нам искусственно образованным представительным органом, возникшим на основе конфедерации поселков-концов, посылавших на него своих представителей на паритетных началах. Наблюдения над другими институтами государственной власти — посадничеством, тысяцким, системой архимандритии — показывают, что принцип паритетного представительства составлял фундамент формирования всех магистратских органов Новгорода.

В связи с затронутым вопросом надо коснуться высказанного А. В. Арциховским мнения о том, что берестяная грамота № 298, найденная на Перевском раскопе («Костка сына Лукина Офремова сына, Купра Иванова сына Онитыка, Купра Фомина сына, Игнатя Юрьева сына»), является избирательным бюллетенем при выборах какой-то коллегии из четырех человек.³⁸ По-видимому, это предположение неверно. И. Э. Клейненберг убедительно показал, что вечевые выборы использовали тот же принцип жеребьевки, который применялся при избрании архиепископов: снятие с алтаря жеребьев, на каждом из которых было написано имя одного из претендентов; избранным считался тот, чей жеребей оставался последним.³⁹ На бюллетене-жеребье поэтому не могло стоять больше одного имени. По-видимому, грамота № 298 содержит список лиц, заплативших или задолжавших «костку» — один из видов пошлины.

³⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 127—129.

³⁹ Клейненберг И. Э. Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках. — История СССР, 1978, № 6, с. 171—172.

³⁴ Новгородская Первая летопись..., с. 366.

³⁵ Янин В. Л. 1) Новгородские посадники, с. 327; 2) Проблемы социальной организации Новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1.

³⁶ Расмуссен К. «300 золотых поясов» древнего Новгорода. — Scandoslavica, Copenhagen, t. 25, p. 93—103.

³⁷ ПСРЛ, 1859, т. 8, с. 159.